

УДК 281.9+93/94

**ДОНСКИЕ ПСЛАВНЫЕ ХРАМЫ И ПРИХОДЫ ДО РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.
И ПОСЛЕ: ОТ РОЛИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕНТРОВ ДО ЛИКВИДАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛАХ СТАНИЦЫ ГНИЛОВСКОЙ)**

И. В. Крючков

Донской государственной технической университет (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Сделана попытка сопоставить две полярные эпохи с точки зрения бытия низовой церковно-административной единицы — прихода (в частности, на материалах станицы Гниловской, ныне — в черте города Ростова-на-Дону). В дореволюционный период, начиная со второй половины XIX в., социальная деятельность в приходах Русской православной церкви (РПЦ) становилась все более разнообразной. После прихода к власти большевиков Православная церковь не вписалась в строящуюся систему, подлежала уничтожению (отсюда, в частности, закрытие церквей). В то же время большевистским лидерам была необходима ее собственность, накопленные материальные ресурсы, что показала кампания по изъятию церковных ценностей. В статье рассматриваются основные вехи истории РПЦ 1920–1930-х гг.: изъятие церковных ценностей и закрытие церквей. История отдельных храмов и приходов на Дону в этот сложный период остается недостаточно изученной. Данная статья вносит некоторый вклад в развитие историографии.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Донская епархия, Ростовская епархия, храм, церковный приход.

**DON ORTHODOX CHURCHES AND PARISHES BEFORE AND AFTER THE REVOLUTION
OF 1917: FROM THE ROLE OF SOCIO-CULTURAL CENTERS TO LIQUIDATION
(BASED ON THE MATERIALS OF THE STANITSA OF GNILOVSKAYA)**

I. V. Kryuchkov

Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

The article attempts to compare the two polar epochs from the point of view of the existence of the smallest church-administrative unit – a parish (in particular, on the materials of the stanitsa of Gnilovskaya, now in the city of Rostov-on-Don). In the pre-revolutionary period, starting from the second half of the XIX century, social activity in the parishes of the Russian Orthodox Church became more and more diverse. After the Bolsheviks came to power, the Orthodox Church did not fit into the system under construction and became a subject to destruction (hence, in particular, the closure of churches). At the same time, the Bolshevik leaders needed its property, accumulated material resources. The main milestones in the history of the Russian Orthodox Church of the 1920s and 1930s are considered: the seizure of church valuables and the closure of churches. The history of the Don Churches and parishes during this difficult period remains an extremely insufficiently studied area within the framework of regional Church history. This article makes some contribution to the development of historiography.

Keywords: Russian Orthodox Church, Don Diocese, Rostov Diocese, church, Orthodox temple, parish.

Введение. В дореволюционную эпоху Русская православная церковь играла существенную роль в жизни российского общества, в приходах активно развивалось социальное служение, велась разнообразная социокультурная деятельность, которая получила особенно мощный импульс к развитию новых направлений и форм в 60–70-х гг. XIX в. в связи с модернизацией, проведенной Александром II [1, 2]. После революции 1917 г. большевики, придя к власти, начали проведение в жизнь политики, направленной на отделение Церкви от государства, а затем — уничтожение

Русской православной церкви вообще и ее храмов в частности [3, 4]. Изъятие церковных ценностей и закрытие церквей — основные вехи истории донских храмов и приходов в 20–30-е гг. XX в. Закономерно, что в советский период практика проведения в жизнь этой политики не исследовалась, но она требует изучения, поскольку является частью истории советского общества и истории Русской православной церкви в региональном аспекте. Исследования, посвященные жизни православных приходов, актуальны как в научном отношении, так и в социальном. Вклад Русской православной церкви в социально-культурное развитие нашей страны в дореволюционный период, равно как и причины, и итоги уничтожения храмов и приходской социальной деятельности в советское время вызывают вопросы со стороны, как духовенства, так и мирян, испытывающих потребность в осмыслении этих тем. Региональные исследования (особенно советского периода) на сегодняшний день характеризуются повышенной актуальностью, поскольку на этом уровне выявляется все больше лакун. Учитывая тот факт, что региональная историография жизни Русской православной церкви находится в стадии активного формирования, важно также регулярно отслеживать достижения в этой области, в частности в донском регионе.

Основная часть. Методологическая основа и географические рамки. Данная работа основывается на традиционных для исторической науки принципах историзма, научной объективности, системности и выполнена с применением традиционных методов научного исторического исследования. Географические рамки охватывают территорию Донской епархии.

Социальное служение в приходах до революции 1917 г. В дореволюционный период православный храм имелся в каждой станице, в селах и даже в хуторах. Социальная деятельность в приходах Русской православной церкви была многогранной и насыщенной. Об этом свидетельствуют источники и сообщают научные публикации. Современные донские авторы, в сферу научных интересов которых входит социальная деятельность церковных приходов, подробно пишут об их служении обществу в сферах образования, просвещения и катехизации, включая организацию церковных библиотек, воскресных школ и чтений при храмах, приходской благотворительности и здравоохранения, а также о деятельности церковно-приходских попечительств, которые начали повсеместно организовываться именно во второй половине XIX в., внося вклад в развитие церковной благотворительности, участвуя в строительстве и благоустройстве храмов в дореволюционный период [5–14].

Из «Донских епархиальных ведомостей» (№ 22 за 1914 г.) узнаем, в частности, сведения о приходах Донской и Новочеркасской епархии. Так, в 1914 г. при Серафимовской церкви:

- служили один священник и один псаломщик, причт не получал жалованья;
- был не маленький приход (прихожан мужского пола: православных — 875 душ, баптистов — шестеро); в 1913 г. было совершено треб: крещений — 230, погребений — 128, венчаний — 67;
- существовало церковно-приходское попечительство, которое, в частности, выдавало причту 130 руб. в год (для аренды квартиры);
- в приходе действовала церковно-приходская школа, то есть бесплатная начальная школа для детей, в организации и функционировании которой существенную роль играло духовенство [15].

Особенно очевиден трагический контраст между дореволюционной и послереволюционной приходской жизнью при сопоставлении исследований, посвященных активной социальной деятельности в приходах Донской епархии в дореволюционное время и картин разграбления и разрушения в 1920–1930-е гг. храмов, назначение которых уже было ограничено сугубо богослужебной деятельностью.

Изъятие церковных ценностей на Дону: от храмов столичных — к станичным. Период после гражданской войны, когда большевики, победившие в кровавой борьбе за власть, любой ценой стремились удержать ее в своих руках, форсированно перекраивая общество и государственную систему сообразно своим взглядам, для Церкви (как и для российского общества в целом) был полон трагедий.

Политика донских органов власти по ликвидации приходов и подавлению социокультурной роли Православной церкви в 1920–1930-е гг. подробно исследуется Ю. А. Бирюковой [16, 17], Л. В. Табунщиковой, А. В. Шадринной [18, 19]. Этих вопросов касается также Д. А. Горбачев [20], протоиерей Владимир Тер-Аракельянц [4].

В 1922 г., когда население Дона страдало от жесточайшего голода, начались кампании по изъятию церковных ценностей и расколу духовенства (поддержка обновленческого раскола), документы высших партийных и советских органов того времени свидетельствуют о том, что власти в этой ситуации стремились дискредитировать и уничтожить Православную русскую церковь, одновременно укрепляя собственные финансовые позиции [16].

После того как Патриарх Тихон (Белавин) объявил об образовании церковного комитета помощи голодающим Поволжья, в августе 1921 г. Донская и Новочеркасская епархия организовали сбор пожертвований. Однако подобные мероприятия под сенью Русской православной церкви, добровольное жертвование церковного имущества на помощь голодающим не удовлетворяло властей. Это четко отражено в документах от 23 февраля 1922 г.: декрет ВЦИК об изъятии церковных ценностей и инструкция Помгола и Наркомата юстиции о порядке изъятия (опубликованы 26 и 28 февраля 1922 г. соответственно). В инструкциях светских властей речь шла о насильственной конфискации всех предметов, включая священные сосуды [16]. Но богослужебные предметы — достояние Божие, а изъятие их из храмов есть святотатство. Высшая церковная иерархия не могла не отреагировать протестно на вышеназванный декрет, что нашло яркое отражение в Патриаршем воззвании ко всей православной пастве от 28 февраля 1922 г.

Епископ Ростовский и Таганрогский Арсений (Смоленец) получил Патриаршее воззвание и направил экземпляр владыке Митрофану (Симашкевичу) — главе Донской и Новочеркасской епархии — с целью узнать его мнение. Владыка Митрофан (Симашкевич) и викарий Донской епархии епископ Аксайский Митрофан (Гринев) приняли решение не оглашать воззвание Патриарха Тихона в стремлении уберечь паству, не допустить столкновений с властями. По материалам допросов владыки Митрофана (Симашкевича) в Донском ГПУ 20 и 21 мая 1922 г., им были названы следующие причины, которые удержали его от обнародования воззвания: с одной стороны, неуверенность в подлинности документа (ведь он был получен неофициально), с другой стороны, негативная реакция властей в случае распространения воззвания. Владыка настаивал, что ни один священник или верующий собственными руками не может отдать священный предмет, не превращенный в слиток. Но Церковь была готова жертвовать. Вопиющим и недопустимым представлялось даже не само изъятие церковных ценностей, а то, что лица, не принадлежащие к духовному званию, изымали церковные предметы [16].

Митрополит Митрофан (Симашкевич) выпустил послание к духовенству и верующим, о котором доложил Патриарху, и призвал их пожертвовать все церковные ценности, но освященные предметы предварительно превращать в слитки [16].

4 марта 1922 г. президиум Донского областного исполнительного комитета утвердил, в каком составе будет действовать комиссия по изъятию церковных ценностей. Председательствовал в ней член Всероссийского центрального исполнительного комитета А. Муралов. 9 марта состоялось совещание с представителями основных конфессий по инициативе указанной комиссии [16].

20 марта–20 апреля 1922 г. — время проведения технической, а также агитационной подготовки к изъятию ценностей из храмов Донской области. 25 апреля 1922 г. — начало изъятия и вывоза ценностей из храмов Новочеркаска, Ростова-на-Дону, Азова, Сальского округа. Реакция жителей была разнородной: и резко негативной, и молчаливо отрицательной, и индифферентной, и одобряющей. Не все верили, что изымаемое будет направлено именно на помощь голодающим, но до волнений не дошло [16]. Власти не достигли этой кампанией падения авторитета духовенства среди верующих и дискредитации религиозного чувства в массах, а рост напряженности между верующими и властью имел место. От Церкви отпали те, кто и прежде уже не был достаточно близок к ней.

С 20 мая 1922 г. кампания по изъятию церковных ценностей распространилась на станицы, хутора, поселки Ростовского округа. На пленуме Донского комитета РКП (б) 27–29 мая 1922 г., на котором председательствовал товарищ Жаков, присутствовали товарищи Акименко, Батулин, Будный, Вирганский, Глухов, Гудима, Квириг, Котельников, Красненко, Кузнецов, Лемко, Маркитан, Мельбард, Мельников, Михайлов, Мочалов (секретарь), Нанейшвили, Парре, Сааков, Сенюшкин, Стороженко, Толмачев, Хасман, Чепурнов, Эдельштейн, слушали, в частности, вопрос об изъятии церковных ценностей. Докладчик Минченко сообщил о количестве изъятых ценностей в храмах Ростова-на-Дону, Новочеркаска, Аксая, Старочеркаска и Гниловской по результатам за май 1922 г. [19, с. 78].

Согласно докладу Минченко, всего из церкви станицы Гниловской было изъято 7 пудов 3 818 золотников 58 долей серебра, алмазов — 14 штук и еще 3 золотника 63 доли, 87 рубинов, 55 изумрудов, 33 камня бирюзы, жемчуга — 12 крупных камней и 1 фунт 92 золотника 13 долей россыпью. Товарищ Минченко подчеркнул, что для изъятия ценностей время крайне удачное, его надо использовать, «пока население относится удовлетворительно», ведь жители заняты посевом. Все указанные ценности на тот момент были уже отправлены в Москву. Часть изъятого еще не была взвешена, поэтому можно предположить, что из храмов Гниловской было изъято больше, нежели указано в протоколе [20, с. 109–111]. Поясним, что пуд соответствует 16,38 кг, фунт — 0,4095 кг, золотник — 4,266 г, доля — около 44,435 мг.

По данным других источников, из Троицкой церкви Гниловской станицы было изъято 2 золотника 54 доли золота, 4 пуда 24 фунта 56 золотников 38 долей серебра, 1 фунт 92 золотника 56 долей жемчуга. В Преполовенской церкви той же станицы изъяли 11 пудов 36 фунтов 48 золотников серебра, 1 золотник 20 долей золота, ризу с драгоценными камнями весом 64 золотника 72 доли и прочие драгоценные и полудрагоценные камни [19, с. 27].

Закрытие православных храмов в 1930-е гг. Изъятие церковных ценностей было своеобразным прологом к закрытию церквей. 1930-е гг. ознаменовались массовым закрытием храмов.

Порядок закрытия церквей иллюстрируют документы о ликвидации Преполовенского храма станицы Гниловской. Так, 25 мая 1933 г. состоялось заседание постоянной комиссии по вопросам культов при президиуме Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета о закрытии Преполовенской церкви станицы Нижне-Гниловской (протокол утвержден президиумом краевого исполкома 4 июня 1933 г.), где принято решение о закрытии в станице Гниловской (Нижне-Гниловской) Преполовенской церкви, учитывая «целый ряд постановлений колхозников, рабочих и трудящихся единоличников». Опираясь на статьи 36 и 43 постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 июня 1929 г. о религиозных объединениях, решено было расторгнуть договор с православной религиозной общиной на пользование зданием Преполовенской церкви и культовым имуществом, находившимся в ней, а здание культа передать сельскому совету для переоборудования под клуб. При этом было отмечено, что «для удовлетворения религиозных

потребностей есть другое культовое здание, расположенное на расстоянии 2–3 кварталов», что посчитали вполне достаточным. Культовое имущество решено было реализовать в порядке, предусмотренном статьями 39 и 40 вышеназванного постановления [18, с. 295].

1 апреля 1934 г. на заседании президиума ВЦИК было утверждено постановление президиума Северо-Кавказского крайисполкома от 4 июня 1933 г. о ликвидации Преполовенской церкви станицы Нижне-Гниловской, которая тогда уже считалась пригородом г. Ростова-на-Дону [18, с. 297].

Аналогичным образом было вынесено постановление комиссии по вопросам культа при президиуме крайисполкома о закрытии церкви Серафима Саровского в станице Верхне-Гниловской (протокол № 4 от 17 декабря 1933 г.) [18, с. 383, 422].

А затем была закрыта и последняя оставшаяся церковь в Гниловской станице — Троицкая (постановление о закрытии вынесено президиумом Ростовского областного исполкома, протокол № 3 от 2 октября 1938 г.) [18, с. 384, 462].

Надо отметить, что к началу Великой Отечественной войны в Ростовской области осталось всего два действующих храма [18, с. 25]. Остальные были закрыты, превращены в кинотеатры, столовые, склады и т. п.

Заключение (выводы). Социальное служение в приходах Донской епархии до революции 1917 г., закрытие и разграбление церквей в послереволюционный период освещаются в публикациях донских исследователей. Нельзя сказать, что в рамках данной проблематики не осталось лакун, однако многие проблемы на сегодняшний день подробно рассмотрены авторами. Тем не менее, история отдельных храмов по-прежнему остается малоисследованной областью в рамках церковной истории как дореволюционного, так и советского периода. Опубликованные на сегодняшний день документы советских и партийных органов позволяют в целом восстановить ход и частично результаты изъятия ценностей и хронологию закрытия церквей станицы Гниловской. Забегая вперед, следует отметить, что в годы Великой Отечественной войны в ранее закрытых, обезображенных, подвергшихся разрушениям станичных храмах (Преполовенском и Свято-Серафимовском), а также в бывшем здании школы в Свято-Троицком приходе вновь начались богослужения: давление на Церковь и верующих было существенно ослаблено. Но это стало лишь временным отступлением от генеральной линии советской власти на уничтожение Русской православной церкви.

Библиографический список

1. Федорова, Н. В. Социальное служение церковных приходов Донской епархии в 60–70-е годы XIX века : дисс. ... канд. истор. наук / Н. В. Федорова. — Ростов-на-Дону, 2015. — 319 с.
2. Федорова, Н. В. Социальное служение церковных приходов в сфере народного образования и просвещения в 60–70-е годы XIX века: на материалах документов Донской епархии : моногр. / Н. В. Федорова. — Ростов-на-Дону : Рост. гос. ун-т путей сообщения, 2016. — 209 с.
3. Бирюкова, Ю. А. Советское государство и приходы Донской епархии в 20-х–30-х годах XX в. (по документам Шахтинского административного округа) / Ю. А. Бирюкова // Донской архив. Альманах Ростовской областной организации Российского общества историков-архивистов. — Ростов-на-Дону, 2009. — Вып. 5. — С. 19–40.
4. Бирюкова, Ю. А. Приходская жизнь на Юге России в соборный и послесоборный периоды в новейшей историографии (1917–1930) / Ю. А. Бирюкова, В. А. Тер-Аракельянц // Тетради по консерватизму. — 2020. — № 1. — С. 557–562. [10.24030/24092517-2020-0-1-557-562](https://doi.org/10.24030/24092517-2020-0-1-557-562)

5. Fedorova, N. V. The Development of Parochial Schools in the Don Eparchy in the 1860s and 1870s in the Context of the Secularization of Primary Education / N. V. Fedorova // *Russkaya Starina*. — 2016. — № 2(18). — P. 80-94. [10.13187/rs.2016.18.80](https://doi.org/10.13187/rs.2016.18.80)
6. Синельников, С. П. Судьба религиозного образования на Дону в 1917–1925 гг. / С. П. Синельников / *Правмир* : [сайт]. — URL: <https://www.pravmir.ru/sudba-religioznogo-obrazovaniya-na-donu-v-1917-1925-gg/> (дата обращения: 28.02.2021).
7. Федорова, Н. В. Проповеди и речи приходского духовенства Донской епархии в 60–70-е гг. XIX века в контексте реализации социальных функций церкви / Н. В. Федорова // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. — 2016. — № 3–1 (65). — С. 178–183.
8. Шадрина, А. В. Формирование церковно-приходских библиотек в Донской епархии / А. В. Шадрина // *Книжное дело на Северном Кавказе: методы, источники, опыт исследований*. — 2011. — Вып. 7. — С. 155–161.
9. Федорова, Н. В. Организация воскресных чтений и школ в Донской и Новочеркасской епархии (1860–1870-е гг.) / Н. В. Федорова // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. — 2013. — № 10–1 (36). — С. 183–187.
10. Федорова, Н. В. Оспопрививание на приходах в земле войска Донского в XIX в. / Н. В. Федорова // *Общество: философия, история, культура*. — 2017. — С. 88–91.
11. Федорова, Н. В. Социальное служение церковных приходов Донской епархии в сфере благотворительности и здравоохранения в 60–70-е годы XIX века: монография / Н. В. Федорова. — Ростов-на-Дону : РГУПС, 2017. — 146 с.
12. Шадрина, А. В. Социальное служение приходского духовенства Донской и Новочеркасской епархии в годы I мировой войны / А. В. Шадрина // *Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков : материалы XV Международной научной конференции*. — Иваново, 2016. — С. 353–357.
13. Федорова, Н. В. Деятельность церковно-приходских попечительств Донской и Новочеркасской епархии в сфере благотворительности и общественного призрения в 1860–1870-е гг. / Н. В. Федорова // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. — 2013. — № 2 (28). — С. 200–204.
14. Федорова, Н. В. Организационное оформление церковно-приходских попечительств в Донской епархии в 1860–1870-е гг. / Н. В. Федорова // *Транспорт-2014 : труды Международной научно-практической конференции*. В 4 ч. Ч. 4. — Ростов-на-Дону, 2014. — С. 297–299.
15. Федорова, Н. В. Церковно-приходские школы в Донской и Новочеркасской епархии в 60–70-х годах XIX века / Н. В. Федорова // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. — 2011. — № 6 (166). — С. 76–80.
16. Бирюкова, Ю. А. Донское духовенство и кампания по изъятию церковных ценностей в 1922 году / Ю. А. Бирюкова / *Церковный вестник* : [сайт]. — URL: http://e-vestnik.ru/analytics/donskoe_duhovenstvo_izyatie_cennostey_1922/ (дата обращения: 15.02.2021).
17. Бирюкова, Ю. А. Советская власть и православные общины Дона в 1920–1930-х гг. Характер отношений на местах / Ю. А. Бирюкова. — Ростов-на-Дону : Логос, 2012. — 218 с.
18. Табунщикова, Л. В. Закрытие церквей и молитвенных зданий Донской области в 1920–1930-е гг. : сб. документов / Л. В. Табунщикова, А. В. Шадрина. — Ростов-на-Дону : [б. и.], 2013. — 504 с.

19. Шадрина, А. В. Изъятие церковных ценностей в Донской области. 1922 год : сб. документов / А. В. Шадрина, Л. В. Табунщикова. — Ростов-на-Дону: Изд. ЮНЦ РАН, 2013. — 417 с.

20. Горбачев, Д. А. Донская Голгофа (Советская власть и Русская православная церковь Дона 1917–1923 гг.) / Д. А. Горбачев. — Ростов-на-Дону : Ростиздат, 2008. — 208 с.

Об авторе:

Крючков Игорь Викторович, магистрант кафедры «Православная культура и теология» Донского государственного технического университета (344003, РФ, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), igor-krju@mail.ru

About the Author:

Kryuchkov, Igor V., Master's degree student, Department of Orthodox Culture and Theology, Don State Technical University (1, Gagarin sq., Rostov-on-Don, 344003, RF), igor-krju@mail.ru